

МАРГАРИТА КУЗНЕЦОВА (Сомбатхей)

К ПРОБЛЕМАМ ТЕРМИНОЛОГИИ В МАРИЙСКОМ ЯЗЫКЕ*

В настоящее время марийский народ имеет два литературных языка: луговосточный марийский и горномарийский, основы для развития которых были заложены еще в конце XVIII в. и в первую очередь в связи с распространением христианства, а также с русификацией коренных малых народов в Российской Империи того же времени. Два литературных марийских языка обслуживают разные по количественному составу группы населения (приблизительно 80 : 20), в последние годы луговосточный марийский литературный язык все больше берет на себя функции общенационального марийского языка (см. Иванов 1981 : 167; Kokla 1995 : 71—78; Kuznecova 1996 : 231—240; 1997 : 95—102). Следует обратить внимание и на тот факт, что марийский народ в настоящее время двуязычен. Функции марийского и русского языков на территории республики распределяются неравномерно. Марийский будучи литературным языком не имеет одного из самых основных признаков литературного языка — полифункциональности. В условиях двуязычия, когда русский язык доминирует и находит повсеместное употребление, марийский оттеснен на бытовой уровень. Но все же издаются многочисленные газеты, журналы на обоих марийских литературных языках, в начальных классах обучение проходит на марийском языке, на марийском частично ведется преподавание в высших учебных заведениях и в университете, публикуются учебники и учебные пособия, произведения художественной литературы, ведутся радио- и телепередачи. На марийский язык переводится общественно-политическая, научно-техническая, мировая художественная литература, действуют три театра на марийском языке.

С принятием закона о государственных языках в Республике Марий Эл функции марийского языка значительно расширились. В связи с этим встает вопрос: способен ли марийский язык (как и языки других национальных меньшинств России) на современном уровне развития выполнять функции государственного языка. На сегодняшний день я ответила бы «нет» (см. Sanukov 1993 : 133—143; Pusztay 1997 : 31—67). Имеющаяся национальная терминология не достаточна для того, чтобы выполнять столь ответственную функцию. Перед марийским народом и в первую очередь марийской интеллигенцией стоит важная задача: упорядочение существующих и разработка новых научных терминов марийского литературного языка, составление терминологических словарей (см. Иванов 1989 : 24—35; Bereczki 1995 : 63—69; Saarinen 1995 : 79—84).

Проблемы терминологии следует рассматривать в тесной связи с развитием марийского литературного языка, в истории которого принято выделять три этапа (см. Иванов 1975). На первом этапе (вторая половина XVIII — 60-е годы XIX в.)

* Доклад прочитан на немецком языке на международной конференции по терминологии в мае 1998 г. в Будапеште. Материал переработан и дополнен.

наметились первые шаги в формировании литературного языка, можно говорить лишь о контурах национальной терминологии, появлении религиозных выражений — на марийский язык были переведены катехизис и Евангелие, созданы первые учебники для марийского населения. Сегодня служба в церквях для горных мари проводится на родном языке. Хотелось бы подчеркнуть, что религиозная терминология в марийском языкознании осталась за пределами научного исследования, хотя формирование национальной терминологии берет свое начало именно отсюда.

Второй этап (70-е годы XIX в. — 1920 г.): количество изданных книг превысило 250, формировалась научная и техническая терминология. Значительную роль в создании специальных выражений и их распространении играл журнал «Марла календарь», в котором публиковались научно-популярные статьи (о сельском хозяйстве, животноводстве, садоводстве, пчеловодстве, о воспитании детей, о болезнях человека и животных и т.д.), а также первые произведения художественной литературы.

Третий этап развития марийского литературного языка подразделяется на три периода. 1921—1937 годы в истории марийского литературного языка были самыми продуктивными, в результате творческой деятельности марийских языковедов и интеллигенции марийский язык превратился в развитый литературный язык с различными функциями, стал языком образования, культуры, науки, делопроизводства. В 1924 году была создана комиссия с целью разработки терминологии марийского литературного языка. Создавалась лингвистическая терминология, закладывались основы терминологии по математике, сельскому хозяйству, медицине, истории и политике. Началось составление словаря делопроизводства. Было создано около 3000 общественно-политических выражений. В 1923—1935 гг. подготовлен целый ряд терминологических словарей (по физике, химии, естествознанию, литературе, обществоведению), в том числе горномарийский терминологический словарь. Политическая ситуация в конце 1930-х годов, связанная с усилением культа личности Сталина, оказалась неблагоприятной для развития литературных языков национальных меньшинств СССР. Творческая работа марийских лексикологов приостановилась. Терминологические словари остались не изданными, рукописи были уничтожены.

В этот период образование специальных выражений опиралось в первую очередь на словообразовательные возможности родного языка. Одним из распространенных путей терминоворчества было использование имеющихся слов в специальном значении, например: биология: *rok* 'почва', *βurdo* 'стебель', *tom* 'ядро', *purγāž* 'перегной'; география: *temdāmaš* 'давление', *krač* 'хребет', *βüddžγö* 'влага'; химия: *šönčal* 'соли', *kojāš* 'свойство', *nasta* 'вещество'; математика: *luk* 'угол', *pičkāš* 'отрезок', *čutār* 'сумма', *βož* 'корень'; лингвистика: *žap* 'время', *jük* 'звук', *oj* 'предложение', *tüj* 'основа', *āj* 'значение (слова)', *umālandarāše* 'обстоятельство', *čot* 'число'; физика: *puš* 'пар', *neγāz* 'фундамент', *βiškāde* 'жидкость', *kuat* 'мощность' и т.д. (см. подробнее Иванов 1975 : 134).

Второй путь — новообразования. Термины создавались суффиксальным способом, с помощью словосложения и расширения семантики слова. При словосложении рождались термины как подчинительного, так и сочинительного типа.

1. Суффиксация: а) физические: *βaškelāk* 'скорость' < *βaške* 'быстро' + *-lāk*; *törlāk* 'равновесие' < *tör* 'равный' + *-lāk*; *pušlanaš* 'испаряться' < *puš* 'пар' + *-lan-* + *-aš*; б) математические: *rüdež* 'радиус' < *rüdü* 'центр' + *-ež*; *iktörlēk* 'тождество' < *iktör* 'ровный' + *-lāk*; *ušāk* 'слагаемое' < *ušaš* 'соединять' + *-āk*; в) лингвистические: *βončāš* 'перенос' < *βončas* 'перейти' + *-āš*; *peraltāš* 'ударение' < *peraltaš* 'ударять' + *-āš*; *temāš* 'дополнение' < *temaš* 'дополнять' + *-āš*; *ušem* 'союз' < *ušaš* 'соединить' + *-em*; *βaštaltāš* 'падеж' < *βaštaltaš* 'изменять, менять' + *-āš*; *muter* 'словарь' < *mut* 'слово' + *-er*; *jālmāze* 'языковед' < *jālme* 'язык' + *-ze*; г) химические: *šopeštāš* 'кислород' < *šopeštaš* < *šopaš* 'киснуть, прокисать' + *-āš*; *βüdež* 'водород' < *βüdü* 'вода' + *-ež*; а также: *končer* 'сцена' < *končas* 'являться, показываться'; *kojdarčāk* 'комедия' <

kojbaraš 'высмеивать, осмеивать'; *ončer* 'зрительный зал' < *ončaš* 'смотреть'; *šoktaš* 'музыка' < *šoktaš* 'играть (на музыкальном инструменте)'; *muzə̀kko* 'музыкант' < *myžə̀ke* 'музыка'; *tošter* 'музей' < *tošto* 'старый'; *šarnə̀ktə̀š* 'памятник' < *šarnə̀ktaš* 'напоминать' < *šarnaš* 'вспоминать, помнить'; *ertə̀š* 'история' < *ertə̀š* 'проходить, миновать'; *ojlə̀maš* 'рассказ' < *ojlaš* 'рассказывать, говорить'; *šinčə̀maš* 'знание' < *šinčaš* 'знать'; *šinčə̀lə̀k* 'очки' < *šinča* 'глаз'; *rβezə̀lə̀k* 'молодежь' < *rβeze* 'молодой'; *kučem* 'власть' < *kučaš* 'держат'; *pašə̀ze* 'рабочий' < *paša* 'работа'; *terγə̀ze* 'инспектор' < *terγə̀š* 'требовать'; *čaplaš* 'славить, прославлять' < *čap* 'слава'; *sarlanaš* 'воевать' < *sar* 'война'; *kuškə̀l* 'растение' < *kuškaš* 'расти' и т.д. (см. подробнее Иванов 1975 : 122—123, 134).

Наиболее продуктивные словообразовательные суффиксы в 1920—1930-е годы: а) для образования абстрактных понятий — *-maš*, *-ə̀š*, *-lə̀k*, *-em*, *-ə̀k*, *-tə̀š*, *-ə̀t*, *ə̀l*, *čə̀k*. Иногда с их помощью создавались и конкретные понятия; б) для слов с собирательным значением — *-er*; в) для выражения профессиональной деятельности — *-ze/-čə̀*. Относительно суффиксов *-maš*, *-lə̀k* и *-ze* можно сказать, что их значение в производстве новых слов в современном марийском языке увеличилось, с помощью суффикса *-maš* можно в принципе от каждого глагола образовать имя существительное: *ludaš* 'читать' → *ludmaš* 'чтение'; *mobaš* 'играть' → *mobmaš* 'игра (процесс)'; *kajaš* 'идти' → *kajmaš* 'уход, отправление, движение, удаление' и т.д. 2. Словообразование: а) подчинительного типа: *ikkoklan* 'параллельный' = *ik* 'один' + *kokla* 'расстояние, промежуток, дистанция' + *-an* (суффикс прилагательных); *kumlukaš* 'треугольник' = *kum* 'три' + *luk* 'угол' + *-aš*; *nə̀llukaš* 'четырёхугольник' (*nə̀l* 'четыре'); *ikčlen* 'одночлен' = *ik* 'один' + *člen*; *južβūd* 'осадки' = *juž* 'воздух' + *βūd* 'вода'; *pelšar* 'полушарие' = *pel(e)* 'половина' + *šar*; *tüna užə̀š* 'часть света' = *tüna* 'вселенная, мир, свет' + *užə̀š* 'часть'; *pajdale küncə̀š* 'полезные ископаемые' = *pajdale* 'полезный, прибыльный' + *küncə̀š* < *küncə̀š* 'копать, раскапывать' + *-ə̀š*; *serner* 'рыба' = *ser* 'берег' + *ner* 'нос'; *ojlončə̀š* 'синтаксис' = *oj* 'предложение' + *lončə̀š* < *lončaš* 'исследовать, анализировать' + *-ə̀š*; *jə̀lme lončə̀š* 'грамматика' = *jə̀lme* 'язык' + *lončə̀š*; *muttiγ* 'основа слова' = *mut* 'слово' + *tüγ* 'основание, основной'; *tüγmut* 'собственное имя' = *tüγ* 'основание; основной, главный' + *mut*; *čə̀lanmut* 'нарицательное имя' = *čə̀la* 'все (род. пад.)' + *mut*; *pə̀le mut* 'имя прилагательное' = *pə̀le* 'метка, обозначение; признак' + *mut*; *kertšə̀š βij* 'мощность' = *kertšə̀š* (причастие будущего времени от *kertə̀š* 'мочь') + *βij* 'сила'; *ludə̀ner* 'утконос' = *ludo* 'утка' + *ner* 'нос'; *ijaγol'a* 'дикообраз' = *ija* 'черт' + *kol'a* 'мышь'; *ner šuran* 'носорог' = *ner* + *šur* 'рог' + *-an* (суффикс прилагательных); *počelamut* 'стихотворение' = *počela* 'один за другим, друг за другом' + *mut*; *βijaš oj* 'прямая речь' = *βijaš* 'прямой' + *oj* 'предложение, слово'; *lüm mut* 'имя существительное' = *lüm* 'имя' + *mut*; *mlande βisə̀k* 'геометрия' = *mlande* 'земля, почва' + *βisə̀k* < *βisaš* 'мерить, измерять' + *-ə̀k*; *pürtüs lončə̀k* 'природоведение' = *pürtüs* 'природа' + *lončə̀k* < *lončaš* 'исследовать, изучать' + *-ə̀k*; *mlande kazna* 'полезные ископаемые' = *mlande* 'земля' + *kazna*;

б) сочинительного типа: *sar-juž* 'военно-воздушный (флот)' = *sar* 'война' + *juž* 'воздух'; *šə̀γa-üβə̀ra* 'насекомые (летающие)' = *šə̀γa* 'комар' + *üβə̀ra (üβra)* 'мошка, мошкара'; *ilə̀š-kə̀l* 'общественно-политическая жизнь' = *ilə̀š* 'жизнь' + *kə̀l* 'связь'; *kas-jüδβel* 'северо-запад' = *kas* 'вечер' + *jüδβel* 'север' (*jüδ* 'ночь' + *βel* 'сторона'); *er-jüδβel* 'северо-восток' = *er* 'утро' + *jüδβel* 'север' и т.д. (см. подробнее Иванов 1975 : 135).

3. Расширение семантики слова: *joškarγe* 'красный' → 'революционный'; *pölekläš* 'дарить' → 'награждать'; *paša* 'работа' → 'дело, производство' (*sud paša* 'судебное дело'); *süret* 'рисунок' → 'картина (в пьесе)'; *kumdə̀k* 'ширина' → 'площадь'; *luktaš* 'вытащить, вывести' → 'издавать'; *aralaš* 'беречь' → 'защищать (докторскую работу)'; *βolyaltaraš* 'освещать' → 'просвещать'; *ə̀γ* 'ум' → 'идея, мысль'; *šə̀mlaš* 'испытывать' → 'исследовать' и т.д. (см. подробнее Иванов 1975 : 124).

Третий путь — заимствования из русского языка. Речь идет о более поздних заимствованиях (с 1917 г.), преимущественно в гуманитарной области (управле-

ние, школьное обучение, средства массовой информации, мировоззрение). Число их по мнению Дь. Дечи, может колебаться от 1500 до 2000 (Décsy 1988 : 633). Значительную группу среди них образуют кальки: а) синтаксические кальки: *čot mut* 'имя числительное' = *čot* 'число' + *mut*; *ške akše* 'себестоимость' = *ške* 'сам' + *ak* 'цена' (-še притяжательный суффикс 3 л. ед. ч.); *šem teŋāž* 'Черное море' = *šem* 'черный' + *teŋāž* 'море'; *mlande čātārtmaš* 'землетрясение' = *mlande* 'земля' + *čātārtmaš* < *čātārtalša* 'содрогаться, сотрясаться' + *-maš*; *mlande serāš* 'география' = *mlande* + *serāš* < *seraš* 'писать' + *-āš*; *baške polāš* 'скорая помощь' = *baške* 'быстро, скоро' + *polāš* 'помощь'; *pasusaβārtāš* 'севооборот' = *pasu* 'поле' + *saβārtāš* 'поворот, изгиб'; *βožsaska* 'корнеплод' = *βož* 'корень' + *saska* 'плод' и т.д.; б) семантические: *soto* 'свет' → 'знание, просвещение'; *βujlatāše* 'руководящий' → 'председатель'; *serkalāše* 'пишущий' → 'секретарь'; в) морфологические: *tūrleštaš* 'разнообразить' (*tūrlō* 'разный'); *βujlāmaš* 'оглавление' (*βuj* 'голова'); *jūklāmaš* 'голосование' (*jūk* 'голос') и т.д. (см. подробнее Иванов 1975 : 130).

Не все новообразования укоренились в марийском языке по причинам как объективного, так и субъективного характера (изменение языковой политики в конце 30-х годов, отсутствие последовательности в использовании созданных терминов в периодической печати, их синонимия, см., например: *šopeštāš* и *šopužaš* 'кислород', *mlande kazna* и *pajdale kūnčāš* 'полезные ископаемые', *peraltāš* и *perāš* 'ударение', *βaštaltāš* и *βočmāk* 'падеж', *ušem* 'союз' как 'объединение' и как лингвистический термин), но все же они оказали значительное воздействие на лексический состав литературного языка.

Период 1938—1953 гг. — время максимального сближения марийского языка с русским. Словарный состав значительно пополнился русскими заимствованиями. Новообразования 1920—1930-х годов заменялись русскими эквивалентами, сохранилась только незначительная часть неологизмов, среди них отдельные лингвистические термины: *ojlāmaš užaš* 'часть речи', *līm mut* 'имя существительное', *pale mut* 'имя прилагательное', *tūnambal* 'мир, вселенная, мировое пространство', *βičijaš* 'пятилетний план', *punčal* 'резолуция', *kuškāl* 'растение', *jal ozanlāk* 'сельское хозяйство', *βožsaska* 'корнеплод', *iman čobra* 'хвойные леса' и т.д.

Для третьего периода — с 1953 года по настоящее время — характерны следующие моменты:

1) обогащение словарного запаса и терминологии опирается на потенциальные возможности родного языка, т.е. используются а) деривация: *mūkšāzō* 'пчеловод' < *mūkš* 'пчела', *muzākčo* 'музыкант' < *muzāk* 'музыка', *čolyalāk* 'смелость' < *čolya* 'бойкий, лихой, расторопный', *čatkatalāk* 'аккуратность' < *čatkata* 'чистоплотный, аккуратный'; *kuper* 'болотистое место' < *kup* 'болото'; *eremdaš* 'очищать' < *ere* 'чистый'; словосложение: *uremβož* 'перекресток' = *urem* 'улица' + *βož* 'корень'; *mlande-pašaey* 'земледелец' = *mlande* 'земля' + *pašaey* 'работник' (*paša* 'работа' + *ey* 'человек'); *unaey* 'приглашенный' = *una* 'гость' + *ey* 'человек'; *taumut* 'благодарность' = *tau* 'спасибо' + *mut*; в) обогащение лексики диалектными словами: *lumaš* 'очаровать', *kūδārat* 'могущество', *βüčālaš* 'целиться' и т.д. (см. подробнее Иванов 1975 : 224—226);

2) вытеснение прежних русских заимствований марийскими словами: *jālmāze* 'языковед', *šāmlāše* 'исследователь', *kumdan palāme* 'известный', *seŋāš* 'успех', *paša* 'труд' и т.д. (см. подробнее Иванов 1975 : 223);

3) возрождение неологизмов 1920—1930-х годов: *mar paša* 'общественная работа', *saβāktaš* 'печатать', *tiste* 'знамя', *kučem* 'власть', *šarnāktāš* 'памятник', *šuko čot* 'множественное число', *šket čot* 'единственное число', *tuleyer* 'электричество', *ilāškāl* 'общественно-политическая жизнь', *ojuo* 'сборник' и т.д. (см. подробнее Иванов 1975 : 227);

4) сокращение числа русских заимствований.

В использовании терминов часто встречаются дублиеты, что характерно для современного этапа развития марийского языка в целом, например: *туныктышо*

~ учитель, сар ~ война, кусарымаш ~ перевод, кыдалаш ~ средний, шагат ~ час, мушкаш ~ стиратлаш, налаш ~ получаеш, шанше ~ наука, йылмелончыш ~ грамматика, пужен ыштымаш ~ уэмден ыштымаш ~ перестройка и т.д.

В упорядочении терминологии марийского литературного языка данного периода значительная роль принадлежит, на мой взгляд, «Русско-марийскому словарю» (Москва 1966) (= РМС), который содержит около 35000 слов, среди них многочисленные термины из различных областей науки и техники. В марийской части словаря в основном приводятся а) собственно марийские лексемы, в редких случаях, несмотря на наличие марийского эквивалента, зарегистрирован только русский вариант, или б) марийские и русские термины даются вместе, например:

а) вселенная *сандалык, тїня*

бобр *умдыр*

жало *умдо* (напр. у пчел, ос); *нер* (напр. у комара, обода); *йылме мучаш* (у ядовитой змеи)

язычок 1. уменьш. от язык *йылме*; ~ колокольчика *онгыр йылме*; 2. анат. *ор-йылме*; 3. тех. (подвижная пластинка) *йылме*; ~ замка *көгөн йылме*;

б) аборт мед. *аборт (азам кудалтымаш)*

заземление тех. *мланде дене ушымаш, заземлений*

Большинство заимствований — лексические, например, *удельный вес*, но широко используются также кальки и полукальки: рус. *выпуск продукции* — мар. *продукцийым ыштен лукмаш*; рус. *высокий стиль* — мар. *кїкшїб стиль*; рус. *чужие земли* — мар. *йот мланде*; рус. *первопричина* (филос.) — мар. *тїн причина* и т.д. Значение многих русских терминов объясняется по-марийски: акклиматизация — *акклиматизаций (животный ден кушкылын у климатлан кельштаралтмыш)*, резюме — *резюме (кїчыкын иктешлен каласыме)*, семеноводство — *семеноводство (урлыкашым ончен куштымо паша)*, тайфун — *тайфун (пеш тале мардеж)*, фабула (лит.) — *фабула (литературный произведенийым кїчык содержанияйзе)* и т.д.

Несмотря на вышеперечисленные положительные моменты в развитии марийского литературного языка все же нельзя говорить о планомерной, конкретной терминологической работе в данный период. Основательному научному анализу подверглись названия птиц (Васильев 1984), растений (плодово-ягодной флоры) (Ефремов 1987), диких и домашних животных (отряда млекопитающих) (Кузнецова 1991). Опубликованы три терминологических словаря, составителями которых являются специалисты по математике, биологии и медицине. Все три словаря имеют большое практическое значение в упорядочении терминологии современного марийского литературного языка.

1) А. Ш. Шапеев, Русско-марийский терминологический словарь по математике для восьмилетней школы (— Ученые записки МГПИ 23, Йошкар-Ола 1959, с. 51—72). Словарь содержит 780 математических выражений. Автор пытается использовать средства родного языка при образовании терминов, наряду с общеупотребительными словами, которые используются в специальном значении, как, например, *ушымаш* 'сложение', *кудалтымаш* 'вычитание', он предлагает собственные новообразования: *кїзыктымаш* 'возведение в степень', *токмак угыл (лук)* 'тупой угол' и т.д. Большую часть специальных выражений составляют лексические заимствования из русского языка: *катет, диаметр, биссектриса* и т.д., отдельные приспособлены к нормам марийского языка *геометрический тело* 'геометрическое тело', *эн простой решений* 'самое простое решение' и т.д.

2) Х. Ф. Балдаев, Русско-марийский словарь биологических терминов (Йошкар-Ола 1983). Словарь содержит 2700 слов и выражений. Большинство терминов взяты из ранее опубликованных двуязычных словарей. В марийской части даются как лугововосточные, так и горномарийские варианты, но принцип не всегда соблюдается, часто лугововосточные эквиваленты отсутствуют. Составитель словаря пытается зафиксировать все имеющиеся названия животных, птиц и растений, поэтому богато представлена синонимия терминов: рус. *подорожник* — *тї-*

ремшудо, колявѣкиш, шорыкпылыш и др.; рус. *беркут* — мар. *пѳркыт, куткыж, тумыгайык, кучкыж, комбыкучкыж*; рус. *летучая мышь* — мар. *цӳрӳгала, цӳрӳшылдыр, касвычыранге, водовычыранге* и т.д. Большинство слов — лексические заимствования из русского языка, например, из 187 зоонимов 70 пришли из русского языка, такие как *кролик, соболь* (см. мар. *лумшо*), *росомаха, ондатра* и т.п. Часть названий составлена путем калькирования, некоторые являются новообразованиями автора словаря: *курук каза* 'серна' = *курук* 'гора' + *каза* 'коза', *ир тага* 'муфлон' = *ир* 'дикий' + *тага* 'баран'; *ныр морен* 'заяц-русак' = *ныр* 'поле' + *морен* 'заяц'; *йошкар шашке* 'колонок' = *йошкар* 'красный' + *шашке* 'норка'; *кок пѳгыран тѳе* 'двугорбый верблюд' = *кок* 'два' + *пѳгыран* < *пѳгыр* + *-ан* 'с горбом' + *тѳе* 'верблюд'; см. также: *ик пѳгыран тѳе* 'одногорбый верблюд', *пачдыме свинка* 'морская свинка' = *пачдыме* < *пач* + *-дыме* (суффикс имен прилагательных с лишительным значением) 'без хвоста' + *свинка*.

Следует приветствовать тот факт, что автор вводит в словарь неологизмы 1920—1930-х годов (см. *лудынер* 'утконос'), а также диалектные слова (см. *тѳйе* 'верблюд', встречающееся в основном в восточных говорах марийского языка), но не всегда в этом последователен. Иногда он не учитывает имеющиеся в языке названия и предлагает свои новообразования, как в случае с зоонимом 'водяная крыса': *vӱdkomak*, в котором вторая часть *комак* используется для обозначения хомяка. Для названия крысы имеется в языке собственный термин: *куголя* = *кугу* 'большой' + *коля* 'мышь'. Встречаются случаи, когда приводится только русский эквивалент, см.: *бобр* — *бобр* (мар. *умдыр*) и т.д.

Перечисленные недочеты свидетельствуют о том, что при составлении терминологических словарей необходимо тесное сотрудничество специалистов различных отраслей науки и лингвистов, только в таком случае можно избежать ошибок языкового плана.

3) Русско-марийский медицинский терминологический словарь (Йошкар-Ола 1995) (= РММТС) составлен коллективом авторов. Словарь содержит 1500 специальных слов и выражений, относится к разряду толковых словарей. Весь языковой материал разделен на 21 тематическую группу. Для облегчения пользования словарем в конце дан алфавитный указатель терминов. Назначение словаря, по мнению его составителей, — «способствовать улучшению межнационального общения и повышению, на этой основе, качества медицинской помощи».

В словаре зарегистрированы 54 марийских эквивалента русским терминам, см.: *болезнь* — *чер*, *летаргия* — *кѳрылтшӱ омо*, *воспаление* — *пуалмаш*, *гной* — *шуйшӱ*, *пульс* — *вѳришар*, *зоб* — *кугылогар* и т.д. Другие термины являются результатом лексического заимствования, калькирования и полукалькирования. 400 терминов образуют слова с русскими словообразовательными суффиксами *-ия* и *-ция*, которые в марийском языке ввиду отсутствия категории рода передаются суффиксом *-ий*, например: рус. *агония* — мар. *агоний*, рус. *адаптация* — мар. *адаптаций*, рус. *экология* — мар. *экологий*, рус. *урология* — мар. *урологий*, рус. *функция* — мар. *функций* и т.д. Большинство терминов объясняется по-марийски (о значении подобных толковых терминологических словарей см. также Ефремов 1989 : 49—55), но, к сожалению, марийские толкования не всегда удачны, их язык громоздок, сложен и, как мне кажется, словарь в первую очередь рассчитан на медицинских работников. Некоторые примеры: *радикулит* — *тупрѳдӱ вемысе нерв-влак вож пуалмаш; вож гыч корштымаш да шижмаш пужлымо дене шуэн периферический парез дене палдырна* 'радикулит — воспаление нервных корешков в спинном мозге, проявляется в болях и в расстройстве чувственности (нервных) корешков редко через периферический парез'. В данном предложении двойная конструкция с *дене* 'с' затрудняет понимание, по всей вероятности, пропущен знак препинания. Трудности может вызвать термин *парез*, значение которого дается на с. 85: *кѳлеш чогашылын и н н е р в а ц и й ж е пужлымылан кӱра шонымо*

семын тарванылмашын вийже ден амплитудыжо иземмаш 'уменьшение желательной двигательной силы и ее амплитуды из-за нарушения иннервации необходимой мышцы'; см. иннервация — *иннерваций* (с. 122); — *орган, капысе вер ден ужашлам нерв дене обеспечитлымаш, икманаш, рудӧ нерв системе дене кылым ыштымаш* 'обеспечение нервами органов, частей тела, одним словом, установление связи с центральной нервной системой' и т.д., т.е. в марийской части словаря часто встречается термин, который нуждается в толковании.

Интересно проследить, как один и тот же термин интерпретируется в РММТС и РМС. В качестве примера приведу *гангрена*:

а) РММТС: *тугай некроз, кудын годым шиждыме ткань кошка але шӱэш* 'такой некроз, при котором бесчувственная ткань высыхает или загнивает';

б) РМС: *организмысе тканьын шӱмдымӧ лиймыже, варажым тудын шемеммыже да шӱймыжӧ* 'становление ткани организма бесчувственной, дальнейшее ее потемнение и загнивание' (ср. гангрена — омертвление ткани, органа, части тела вследствие нарушения кровоснабжения; различают сухую и влажную, или гнилостную, гангрену (Современный словарь иностранных слов, С.-Петербург 1994)).

В первом предложении встречается 1) термин *некроз*, который может вызвать трудности в понимании (объяснение на с. 8); 2) в марийском языке как *шиждыме*, так и *шӱмдымӧ* (см. *шӱмдымӧ* II в отличие от *шӱмдымӧ* I в Марийско-русском словаре, Москва 1956) обозначают 'бесчувственный, лишенный чувствительности', первое слово имеет также значение 'бессознательный', *шиждыме лияш* 'терять чувствительность'; желательно определиться, какое из этих двух слов взять в качестве медицинского термина, когда речь идет о потере чувствительности отдельных органов или частей живого организма, ср. осозание — *кидишӱм, коваштышӱм*; 3) первое предложение построено по модели русского сложноподчиненного предложения, второе же предложение ближе синтаксису марийского языка и понятнее широкому кругу читателей.

Слова, приводимые в марийских текстах, не всегда зафиксированы в словаре, например, в толковании *нейродермита* встречаются термины *папула* и *лихенизация*. Объяснение *папулы* дается на с. 96, термин *лихенизация* среди лемм словаря не зарегистрирован.

Некоторые примеры на калькирование и полукалькирование: рус. *лимфатический узел* — мар. *вӱдйыгыр пышкем* ('лимфа, лимфатический' + 'узел'); рус. *тепловой удар* — мар. *шокшын перымыже* ('удар тепла'); рус. *анемия* — мар. *вӱр ситыдымаш* ('кровь' + 'недостаток'); рус. *отек мозга* — мар. *вуйдорык пуалмаш* ('головной мозг' + 'опухание'); рус. *кровообращение* — мар. *вӱр коштмаш* ('кровь' + 'хождение'); рус. *предболезнь* — мар. *черланьме деч ончыч* ('перед началом болезни'); рус. *предрасположение* — мар. *черланен кертмаш* ('возможность, способность заболеть'); рус. *головокружение* — мар. *вуй савырнымаш* ('голова' + 'поворот'); рус. *кесарево сечение* — мар. *кесарь пӱчмаш* ('кесарь' + 'резание'; выражение в действительности происходит от латин. *sectio caesarea* < *sectio* 'сечение' + *caedere* 'резать'); рус. *защитные реакции организма* — мар. *организмын аралатме реакцийже*; рус. *припадок эпилептический* — мар. *эпилептический йӧрлмаш* ('эпилептический' + 'падение'); рус. *эпикритическая чувствительность* — мар. *эпилептический шижмаш*; рус. *миотония врожденная* — мар. *шочынак лийше миотоний* ('образующаяся при рождении миотония') и т.д.

Следует подчеркнуть, что зафиксированные в алфавитном указателе марийские эквиваленты не всегда совпадают с вариантами, приведенными в словаре, см.: с. 27 туберкулез — *инфекционный чер*, в алфавитном указателе (с. 148): *ужармужо*; с. 24 оспа ветряная — *мардеж але йуж шедр*, в алфавитном указателе (с. 142): *кокла шедр*; с. 24 озноб — *могыр сӱсанымаш*, в алфавитном указателе (с. 141): *могыр шергылтмаш* и т.д.

В 1987 году в Йошкар-Оле состоялась конференция по актуальным проблемам развития, изучения и преподавания марийского языка и литературы в условиях

марийско-русского двуязычия (на мой взгляд, с того времени можно говорить о четвертом этапе в развитии марийского литературного языка). В рекомендациях конференции относительно терминологии было подчеркнуто, что упорядочение, кодификация марийской терминологии в условиях научно-технической революции весьма актуальна, и поэтому необходимо начать планомерное составление различных терминологических словарей, в первую очередь разработать общественную и политическую терминологию. С этой целью создается специальная терминологическая комиссия из писателей, журналистов, специалистов, переводчиков и т.д. под непосредственным руководством языковедов (Вопросы марийского языка. Актуальные проблемы литературного языка, Йошкар-Ола 1989, с. 118). Комиссия действительно начала работу, например, общественно-политические термины и выражения с целью их обсуждения были опубликованы в республиканских газетах, но из-за тяжелого экономического положения столь важная и необходимая деятельность приостановилась.

Краткое рассмотрение проблем развития терминологии марийского литературного языка свидетельствует о том, что марийский язык обладает огромными потенциальными возможностями в создании национальной терминологии. Пути образования терминов, а именно: использование общеупотребительных слов в специальном значении, новообразование и заимствование характерны и для марийского языка. В новообразовании типичными являются суффиксация, словосложение, расширение семантики слова. Идет пополнение словарного запаса также за счет диалектных слов. По подсчетам Н. И. Исанбаева, число новообразований на современном уровне развития марийского словаря составляет 40%, заимствований — 30%, диалектных слов — 10% (Исанбаев 1989 : 36—48). Что касается заимствований в целом, то для марийского языка основным источником обогащения национальной терминологии был и остается русский язык. Здесь необходимо только учитывать границы заимствования: 1) в каком объеме; 2) какие понятия следует заимствовать и какие можно передать собственными языковыми средствами. По мнению Г. Березки, наряду с русским языком следует привлекать и другие языки (Berezki 1995 : 66).

На современном этапе в упорядочении и кодификации терминологии проявляются такие нежелательные моменты, как неточность в передаче термина, отсутствие последовательности, системности в использовании специальных слов, наличие дублетов (русский — марийский, литературный вариант — разговорный), своеволие и произвол отдельных авторов, отсутствие сотрудничества между лингвистами и другими специалистами (см., например, рассмотренные словари, каждый из которых, будь он подготовлен в тесном сотрудничестве с лингвистами, значительно выиграл бы как в языковом, так и в научном плане). Марийские языковеды в разработке национальной терминологии всегда могут опереться на творческую словообразовательную деятельность марийской интеллигенции 1920—1930-х годов. Вопрос только в том, сможет ли современное поколение выполнить данную ответственную работу. Что же, время покажет.

Л И Т Е Р А Т У Р А

- В а с и л ь е в В. Н. 1984, Марийская орнитонимия. Канд. дисс., Тарту.
 Е ф р е м о в А. С. 1987, Названия растений марийского языка (травянисто-ягодная флора). Канд. дисс., Тарту.
 ——— 1989, Задачи составления отраслевых терминологических словарей. — Вопросы марийского языка. Актуальные проблемы литературного языка, Йошкар-Ола, 49—55.
 И в а н о в И. Г. 1975, История марийского литературного языка, Йошкар-Ола.
 ——— 1981, К проблеме возникновения и формирования марийского литературного языка. — CIFU V, pars III, 163—168.

- 1989, Актуальные проблемы современного марийского литературного языка. — Вопросы марийского языка. Актуальные проблемы литературного языка. — Йошкар-Ола, 24—35.
- И с а н б а е в Н. И. 1989, Роль словарей в развитии и нормализации лексики литературного языка. — Вопросы марийского языка. Актуальные проблемы литературного языка. Йошкар-Ола, 36—48.
- К у з н е ц о в а М. 1991, Названия диких и домашних животных в марийском языке. Канд. дисс., Тарту.
- B e r e c z k i, G. 1995, Die aktuellen Fragen der tscheremissischen Sprachenerneuerung. — Zur Frage der uralischen Literatursprachen, Budapest (Linguistica. Series A. Studia et Dissertationes 17), 63—69.
- D é c s y, Gy. 1988, Slawischer Einfluß auf die uralischen Sprachen. — The Uralic Languages. Description, History and Foreign Influences, Leiden—New-York—Kobenhavn—Köln, 616—635.
- K o k l a P. 1995, Über die Möglichkeit einer einheitlichen marischen Schriftsprache. — Zur Frage der uralischen Literatursprachen, Budapest (Linguistica. Series A. Studia et Dissertationes 17), 71—78.
- K u z n e c o v a, M. 1996, Wiesentscheremissisch und Bergtscheremissisch — zwei Dialekte oder zwei Sprachen. — Lapponica et Uralica, Uppsala (Studia Uralica Upsaliensia 26), 231—240.
- 1997, Zum Problem der Schriftsprachen im Tscheremissischen. — Specimina Sibirica XII, Savariae, 95—102.
- P u s z t a y, J. 1997, Nyelvi helyzet, nyelvi tervezés a kis uráli népek körében. — Habilitationes Savarienses, Szombathely, 31—67.
- S a a r i n e n, S. 1995, On the Present State of the Mari Lexicon. — Zur Frage der uralischen Literatursprachen, Budapest (Linguistica. Series A. Studia et Dissertationes 17), 79—84.
- S a n u k o v, X. 1993, Ethnic-Cultural Revival Problems of Russia's Finno-Ugric Peoples. — Specimina Sibirica VIII, Savariae, 133—143.